

Рядом с жилым комплексом находилась ветеринарная клиника. Гу Чи заметил её ещё тогда, когда только переехал: дела здесь явно шли в гору, и каждый день мимо сновали люди с собаками и кошками — кто на осмотр, кто на стрижку. Он был уверен, что его нога никогда не переступит этот порог — запах лекарств и животных бил в нос даже за десять метров, чего он терпеть не мог. Однако сегодня, липкий от пролитого чая, он, стиснув зубы, просидел там больше часа.

Только когда крошечного котёнка наконец определили под присмотр врачей, Гу Чи выкроил время, чтобы добежать до дома и принять душ. Врач сразу предупредил: малыш, судя по всему, был брошен матерью едва ли не в первые минуты жизни. Нахлебавшись дождевой воды и переохладившись, такие «смертники» выживали редко. Шансы были призрачными, но попробовать стоило.

Гу Чи вернулся в клинику, как только увидел, что котёнка поместили в инкубатор. На душе было беспокойно. Это ощущение — мягкое, почти невесомое тельце на ладони и его тонкий, жалобный писк — почему-то не давало покоя, пробуждая в глубине души непривычную жалость.

— Снова вы? — сотрудница клиники приветливо улыбнулась вошедшему Гу Чи и указала на кувез. — Там поддерживается постоянная температура. Малыш перестал дрожать и сейчас спит.

Гу Чи вежливо кивнул и подошёл к прозрачному боксу.

Крошечное существо, свернувшись калачиком на мягкой подстилке, погрузилось в глубокий сон. С его шерстки уже счистили грязь. Хвостик, ещё совсем лысый, делал его похожим на слепого мышонка. Котёнок был размером не больше ладони, и чем дольше Гу Чи смотрел на него, тем сильнее сжималось сердце.

— Почему он не открывает глаза? Он болен? — спросил Гу Чи, не сводя глаз с бокса.

— Слишком мал, — пояснила девушка. — У новорождённых всегда так. Глазки — это полбеда. Сейчас главная проблема в том, что он не может самостоятельно испражняться, да и с кормлением всё непросто. Без кошки-матери приходится использовать молочную смесь, а это требует огромного терпения и ухода.

Гу Чи промолчал, лишь сильнее нахмурился.

— В инкубаторе ему нужно пробыть минимум двое суток. Котята очень боятся холода, да и риск инфекции сейчас огромен, — продолжала сотрудница. — В таком возрасте любая болячка — это приговор.

— Почему мать его бросила? — Гу Чи искренне не понимал. — Прямо сразу после рождения?

— У бездомных животных на первом месте стоит инстинкт самосохранения, — со вздохом ответила девушка. — Если вопрос стоит о собственном выживании, о потомстве заботиться некогда. Жестокая правда природы.

Инстинкт. Выжить самому. Бросить слабого — это просто выбор. Что у кошек, что у людей — всё едино.

Одинаково эгоистично.

Одинаково бесчестно.

— Честно говоря, я думала, вы не вернётесь, — призналась девушка. — Обычно, когда находят таких малюток, их приносят к нам, просят оказать первую помощь и уходят. А вы вернулись... Неужели решили оставить его себе?

Гу Чи удивился:

— Разве многие их просто бросают здесь?

Девушка вздохнула:

— Хватает. Мы, конечно, выкладываем объявления о поиске хозяев в соцсетях, но... Если вы не планируете его забирать, мы могли бы...

— Я заберу, — перебил её Гу Чи, доставая кошелек. — Обеспечьте ему лучший уход. Сколько он должен здесь пробыть? Нужны ещё какие-то обследования? Оплата наличными или картой? Я заплачу прямо сейчас.

Сотрудница, опешив от такого решительного напора, радостно повела Гу Чи оформлять документы.

Врач настоял на трёхдневном пребывании в кувезе, долго и подробно расписывая причины. Гу Чи выслушал лишь половину, после чего молча оплатил счета. Однако, когда дело дошло до заполнения ветеринарной карты, он внезапно замешкался.

— Просто впишите имя и дату рождения, остальное мы заполним сами, — подсказала девушка, видя его нерешительность. — Имя можно придумать прямо сейчас. А если точный день рождения неизвестен, выберите любой, плюс-минус пара дней роли не сыграют. Дата нужна больше для того, чтобы мы могли присылать вам подарки от магазина на праздники.

— Понятно.

Гу Чи задумался. Этот котёнок не был его находкой, да и вообще он никогда не помышлял о домашнем питомце. В голове не было заготовленного списка кличек. Внезапная необходимость придумывать имя вызвала у него странное чувство — будто ему под дверь подбросили младенца и теперь заставляют официально признать отцовство.

Как обычно называют котов?

Снежок, Рыжик, Пушок, Шарик...

Сплошные уменьшительно-ласкательные повторы.

Пусть тогда и у этого будет что-то простое. Всё равно имя временное, потом можно будет сменить на что-то более солидное.

Гу Чи сосредоточенно вывел два иероглифа:

«Ми-ми».

Что касается даты рождения...

— Пусть будет... сегодня. Тридцатое августа, — Гу Чи вписал цифры, добавил свой номер телефона и имя, после чего пододвинул карту обратно. — Нужно ставить отпечаток лапы?

— Простите? — Девушка округлила глаза, но, поняв, что он имеет в виду, рассмеялась. — Это у новорождённых детей снимают отпечатки пяток, животным такого не делают.

— Жаль, — бросил Гу Чи.

Ему казалось, что в этом жесте была бы какая-то торжественность, своего рода манифест миру: «Я здесь, я существую». Жаль, что у животных нет такого права.

Ми-ми. Родился тридцатого августа. Отец — Гу Чи.

Гу Чи. Родился тридцатого августа. Сын — Ми-ми.

Неожиданный подарок на собственный день рождения.

Он со смешанным чувством посмотрел на инкубатор. Малыш выглядел жалко, но теперь у него был официальный день рождения и пусть неказистое, но имя. Это как с младенцами: сначала они просто сморщенные комочки без роду и племени, а потом — бац, и у них уже есть бирка с именами родителей, номер кровати и, самое главное, дом.

Теперь он домашний кот.

Ему больше не нужно дрожать в грязи. О нём будут заботиться, его будут любить. Повезло же этой маленькой жизни.

Отгнав лишние мысли, Гу Чи осторожно приоткрыл крышку кувеза и протянул внутрь палец.

Ми-ми спал крепко. Дрожь утихла, и хотя шёрстка была ещё редкой, на ощупь она казалась невероятно нежной. Гу Чи коснулся крохотной головы, и внутри у него что-то дрогнуло.

«Ну надо же, обзавёлся сыном».

***

— Солнце уже вовсю жарит, а ты всё дрыхнешь! Живо вставай, пойдёшь одеяла сушить!

Сунь Юнь, не тратя времени на уговоры, одним рывком содрала одеяло с Жэнь Ижэня. Тот лежал, свернувшись калачиком, выставив свои длинные голые ноги, и явно не собирался просыпаться.

— Во сколько ты вчера заявился? Сказал — регистрация в школе, а вернулся за полночь! Опять со своими оболтусами из Средней школы №6 ошивался? — Сунь Юнь звонко шлёпнула сына, заставляя его наконец сесть. — А с рукой что?

— Мам, ну имей совесть, выходной же... — Ижэнь сидел с закрытыми глазами, мозг всё ещё пребывал в царстве снов. — Вчера это... не дрался я, вора ловил, вот и оцарапался. Когда это я был хулиганом? Твой сын — примерный гражданин.

— Рыцарь без страха и упрёка, значит? — Сунь Юнь ласково взъерошила ему волосы и распахнула шторы.

— Ага, геройствую помаленьку, — пробормотал он и попытался было снова нырнуть под подушку, но мать была начеку и отобрала её.

— А ну подъём! — она шуточно щёлкнула его по лбу. — Красавчик мой, вставай завтракать. Твой дядя вчера передал рисовые лепёшки в лотосовых листьях, я их уже поджарила. Остынут — желудок испортишь. Поешь и сними постельное бельё, я в стирку закину.

— О! А яйцом залила? Сахаром посыпала? До золотистой корочки? — при упоминании еды Ижэнь мгновенно распахнул глаза. Он вскочил и принялся лихорадочно натягивать штаны.

— Залила, посыпала! Иди сначала зубы почисть, а то как с голодного края! — смеясь, Сунь Юнь вышла из комнаты.

После завтрака Ижань вспомнил, что у него есть к матери одно важное дело. Он тут же развил бурную деятельность: перестелил постель, загрузил стирку и даже сам взялся за швабру, чем немало удивил Сунь Юнь.

— Ну, выкладывай, чего задумал? — подозрительно прищурилась она.

— Mam, ты прям мысли мои читаешь...

Она строго на него посмотрела, и Жэнь Ижань, бросив швабру, с сияющей улыбкой подсел к ней за стол. Налив себе и ей чаю, он начал издалека:

— В общем, я теперь всю уборку беру на себя. В выходные буду даже в подъезде подметать, честное слово. Но можно мне...

Сунь Юнь склонила голову набок:

— Что «можно»?

— Можно мне кота завести? — Ижань затаил дыхание.

— С чего это вдруг? Тебе уличных мало, которых ты каждый день тискаешь? Только шерсти в доме не хватало, её никаким пылесосом не соберёшь, а если в лёгкие попадёт...

— Я вчера его нашёл, совсем крошечного, в кустах прятался. Мать его бросила, — серьёзно произнёс Ижань. — Дворовых-то все подкармливают, они там жирнее меня ходят. А этот... Ну, мам, это же судьба. Ты ведь тоже раньше подбирала. Обещаю, буду сам за ним убирать, ни одной шерстинки не увидишь!

— Да неужели? И где он сейчас? — Сунь Юнь оглядела углы комнаты. — Куда ты его спрятал? Я всё утро прибиралась и ничего живого не видела. Надеюсь, ты его не в шкафу запер, бедолагу?

— Вчера, когда за вором гнался, я попросил одного парня присмотреть за ним. А потом не смог его найти в той суматохе, — объяснил Ижань. — Но он наш, из параллельного класса. В понедельник пойду и заберу кота!

Сунь Юнь хмыкнула:

— Ну, забрать надо. Нечего людям хлопот доставлять, не все любят возиться с животными.

Несмотря на её ворчание, Ижань знал: мама любит кошек даже больше него. Просто отец терпеть не мог шерсть и запах, вот и жили без питомцев. Но раз отец бывает дома от силы месяц в году, можно договориться с мамой и поставить его перед фактом.

Ижань азартно блеснул взглядом, он расплылся в довольной ухмылке:

— Значит, ты согласна?! Я слышал, ты согласилась!

— Эй, стол не переверни! Ладно, пока отца нет — приноси. Но лоток чистить будешь сам! — Сунь Юнь придержала свою чашку, из которой едва не выплеснулся чай.

Ижань подлетел к ней и звонко чмокнул в щёку:

— Мамуля, ты лучшая! Просто святая женщина, клянусь!

— Да куда ты опять летишь? С утра пораньше за старое? Ты мне про школу так и не рассказал нормально: как учителя, как одноклассники?

— Да чего там за один день поймёшь? Школа как школа. Ребята вроде нормальные. Один из-за моей стрижки вообще решил, что я крутой авторитет, просил «взять под крыло», — Ижань уже на ходу натягивал кроссовки. — Пойду во двор, местных котов покормлю, буду привыкать к роли папаши. Хе-хе!

***

— Алло? Сяо Чи?

В трубке зазвучал мягкий, приветливый голос тёти Гу Лань. Чувствовалось, что она улыбается.

— Прости, вчера совсем замоталась, не успела позвонить. У нас в садике тоже был день открытых дверей для новеньких. Ну, как ты? Освоился на новом месте?

— Здравствуй, тётя, — вежливо отозвался Гу Чи. — Вчера возникли дела, в школу не попал. Но директор Чжао мне звонил, и классный руководитель тоже на связи. В понедельник приду, сдам документы и сразу на уроки.

— Дела? Что-то случилось? — в голосе тёти прорезалась тревога.

— Ничего серьёзного, — коротко бросил он.

— Ох, Сяо Чи... Ты если что — говори, не держи в себе. Мне ведь до тебя доехать — пара пустяков. А директор Чжао, кстати, — она сделала паузу, — он ведь твоего отца когда-то физике учил. Твой папа у него в любимчиках ходил, в начале года ему даже звание «Почётного выпускника» дали. Так что если будут трудности — смело иди к директору. Свои люди всё-таки, не стесняйся.

Гу Чи лишь неопределённо хмыкнул. Его мало заботило, чьим любимчиком был отец, но это была тётя Лань — единственный человек, помимо деда, который относился к нему с искренним теплом. Ей хамить он не мог.

— Тётя, ты сейчас дома? — спросил Гу Чи. — Я хотел заскочить в дом дедушки, забрать кое-какие вещи. А ключей у меня нет.

Тётя Лань удивилась:

— Как нет? А где твои?

— Второй дядя... забрал, — ровным, безэмоциональным тоном ответил Гу Чи. — Сказал, нужно разобрать вещи дедушки. Сделал по комплекту для себя и своей жены, чтобы им удобнее было хозяйничать.

Тётя замолчала. В трубке послышался тяжёлый, горький вздох.

— Приезжай, Сяо Чи. Я дома, отдам тебе свои.

<http://bllate.org/book/17447/1650160>